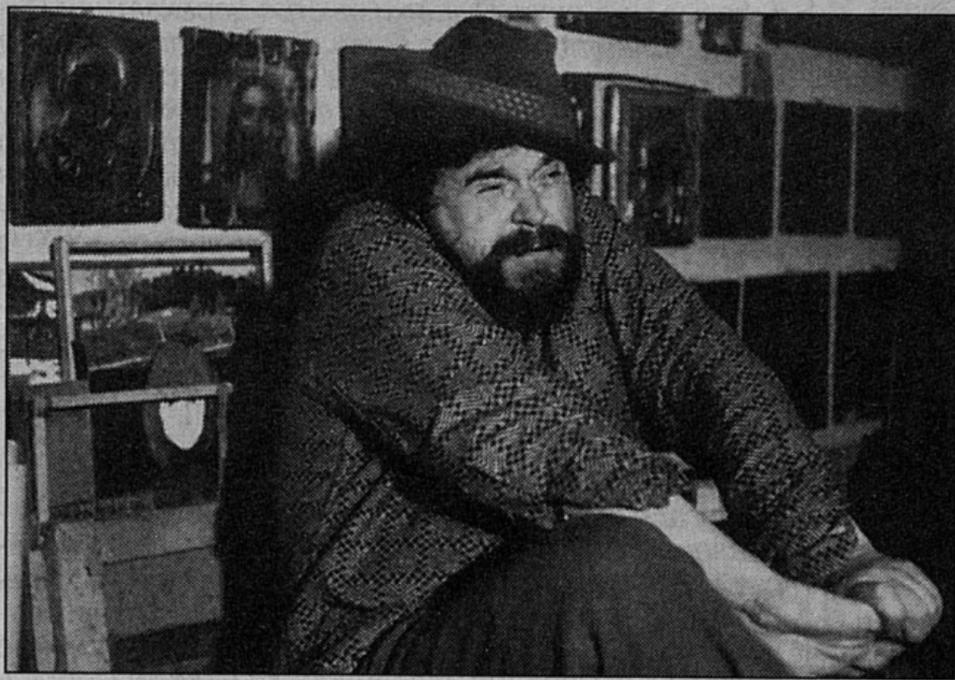

Мельница имени Дон Кихота

В Третьяковской галерее проходит выставка живописи и графики Анатолия Зверева

ИГОРЬ ПАЛЬМИН

«Весь СССР — бродяга», — говорил Зверев.

Легенда о бесприютном гении, презревшем все социальные блага ради безграничной свободы творчества, вполне еще свежа; к ее созданию приложили руку многие из тех, кто собрался на открытие. На протяжении всех тринадцати лет, прошедших со дня смерти Анатолия Зверева, они образуют негласный и незримый фронт по обороне кумира от всякой критики: одно дело быть знакомцем просто талантливого художника, несколько другое — делиться ужином, служить моделью и обладать работами великого рисовальщика, «русского Матисса», «классика отечественного андеграунда». Между тем в отличие от широкого зрителя, часто находящегося под обаянием колоритных фактов биографии, а также карминных губ и лучистых глаз акварельных красавиц, в профессиональной среде отношение к зверевскому наследию весьма неоднозначное. Открывшаяся выставка эту неоднозначность явственно демонстрирует.

Впрочем, явственно здесь далеко не все. Дело в том, что еще до всякого разговора о творчестве Зверева неплохо бывает убедиться в подлинности того или иного его произведения. Увы, в последние годы при упоминании имени художника в разговорах коллекционеров и искусствоведов с неизбежностью возникает жаргонное словечко «фальшак». Понятно, в этом нет вины самого Анатолия Тимофеевича, разве только то, что один из руководителей Третьяковки Ян Брук на вернисаже осторожно определил как «неровность» качества. Чрезмерная иногда экспрессивность и необязательность большей части зверевских работ сделали автора легкой добычей фальсификаторов. Тем логичнее было бы выставку в крупнейшем национальном музее, собранную по нескольким частным собраниям, пропустить через руки независимых экспертов, хоть тех же сотрудников ГТГ (так делается не всегда, но ведь и скепсиса в данном случае больше, чем обычно).

Однако организаторы акции, директора негосударственной галереи «Кино» Елена Юренева и Полина Лобачевская, призвали собравшихся на пресс-конференцию поверить им на слово, сославшись на тесное знакомство Лобачевской как с самим художником, так и с его творчеством. С учетом того, что по окончании выставки некоторые работы из анонимных коллекций будут предложены к продаже, а сертификатом их подлинности послужит роскошный каталог, осененный авторитетом Третьяковской галереи и распространяемый «тихо и осторожно», — что вам еще требуется, будь вы покупателем? Даже если все абсолютно чисто и благополучно, что вполне вероятно, остается восхититься виртуозностью, с которой организаторы сумели окутать происходящее туманом.

Впрочем, о возможных сомнениях по поводу авторства 233 работ, занявших весь третий этаж Инженерного корпуса, быстро забывается. Апофеоз настоящего, несомненно Зверева налицо, и в некоторых случаях даже приходится пожалеть, что видишь твердые подлинники, а не подделки. Начинается экспозиция с обилия тушевых автопортретов пятиде-

сятих годов (они встречаются и дальше, всего их здесь 34), многочисленных зарисовок с натуры, излюбленных композиций в связи с «Дон Кихотом», а также комплиментарных женских портретов, коими автор бывало расплачивался за гостеприимство. С грустью находишь многочисленные подтверждения давнему впечатлению: увенчанный лаврами из рук Давида Сикейроса на Московском фестивале молодежи и студентов, превозносимый когда-то Пабло Пикассо, действительно очень одаренный художник мало заботился об удержании высокой планки. Отзвуки чужих манер, будь то Рауль Дюфи или Антонина Софронова, простительные и даже полезные на ранних этапах творчества, по мере движения времени и нарастания объемов созданного нелегко становится проглатывать, даже в качестве примеров некоего озорства. Стремительный взлет, по общему мнению, пришедшийся на начало шестидесятых, как-то незаметно превратился в беспилотное и бесцельное маневрирование.

И это при широком охвате и тщательном отборе. Нельзя сказать, что в экспозиции нет чего-то самого главного (во всяком случае, из сохранившегося), что чудесным образом могло бы перевернуть представление об авторе и посрамить брюзжащих умников. И вправду первоклассный цикл иллюстраций к «Золотому ослу» Апулея, часть которого сведена воедино из трех разных коллекций, почему-то не перебивает ощущения вдохновенной халтуры, навеваемого соседним блоком импровизаций на темы лермонтовского «Мцыри» (эта серия демонстрируется в первый и, есть опасение, не в последний раз). Встречаются весьма удачные подмосковные пейзажи, возникшие будто в результате «приступов» внимательной сосредоточенности и обуздания порыва, есть выразительные и лаконичные наброски слонов, косуль, леопардов из московского зоопарка — и рядом очередной лихой «Автопортрет в тельняшке», ничего не прибавляющий, смахивающий на автоплагиат или даже автопародию. Причем такие же перепады качества и в рисунках из собрания ГТГ, целомудренно вынесенных в отдельный зал и являющих своеобразный эталон подлинности. Например, оказавшиеся здесь иллюстрации к «Запискам сумасшедшего» хромают на обе ноги и определенно проигрывают многим другим известным опытам визуализации гоголевской прозы.

Говорят, вместе с дачей Георгия Костаки сгорели сотни лучших работ Анатолия Зверева. Говорят, существует большой и неопубликованный литературный архив художника, озаряющий новым светом его личность. Говорят то, говорят это. Тем не менее, когда галерея «Кино» объявляет выставку хрестоматийной, составленной из самых удачных зверевских вещей, сохранившихся и доступных на сегодняшний день, нет никаких веских оснований полагать, что все обстоит по-другому. Кажется, на самом деле Звереву есть то, что помещено сейчас на стенах в Инженерном корпусе. Достаточно для легенды, но так ли уж весомо для разборчивой и беспощадной истории искусства?